

«ИЗОБРАЖЕНИЕ РУССКОЙ ЖИЗНИ В АНГЛИЙСКИХ РОМАНАХ ВВОДИТ В ЗАБЛУЖДЕНИЕ»: ВЗГЛЯД АНГЛО-РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ОБЩЕСТВА НА РУССКУЮ ТЕМУ

Англо-русское литературное общество¹ в момент своего возникновения четко определило цели, которыми собиралось руководствоваться в своей деятельности; их описание предпосылалось каждому выпуску издаваемых Обществом «Трудов». Джон Поллен (John Pollen), многолетний член Комитета Общества и один из самых активных его участников, читавший своеобразную «вступительную лекцию» на первом собрании 3 января 1893 года, определил одну из этих целей как «общую, или социальную» («general, or social»), а остальные как «частные, или литературные» («particular, or literary»). Общей, или социальной целью, достижению которой должны были служить все прочее, была пятая — «способствовать дружественным отношениям Великобритании и России». Первые же четыре собственно литературные цели были следующими: 1) продвигать изучение русского языка и литературы; 2) получать текущую русскую периодику; 3) организовывать ежемесячные собрания для чтения и обсуждения текстов, соответствующих тематике Общества; 4) собирать библиотеку русских книг, «особенно интересных с англо-русской точки зрения» («especially interesting from an Anglo-Russian point of view»)².

Надо сказать, что «англо-русская точка зрения» — обозначение не только принципа формирования библиотеки Общества или даже принципа отбора тем для докладов и обсуждений. Думается, что таким же образом можно определить и тот способ видения и анализа материала, будь то литературного, публицистического или, так сказать, «жизненного», к выработке которого Общество, по меньшей мере, в период расцвета и в лице своих наиболее вовлеченных членов действительно стремилось. Этому способствовал целый ряд факторов, в частности особенности биографии основателя, президента и главного идеолога Общества Э. А. Казалета (Edward A. Cazalet).

Эдвард или, как его называли в России, Эдуард Александрович Казалет по роду деятельности был связан с торговлей (он служил секретарем директор-распорядителя Русского общества пароходства и торговли в Одессе) и прямого отношения к литературе не имел. Родившись в России в 1836 году, он провел здесь значительную часть жизни и только в довольно зрелом возрасте переехал в Англию. Англичанин с французскими корнями, он и по материнской, и по отцовской линии происходил из семей, в нескольких поколениях тесно связанных с Россией, и очень хорошо знал русский язык, о чем свидетельствует, в частности, написанный им в 1890 году по-русски небольшой труд о Джоне Говарде (М.: Типография Общества полезных книг, 1892)³. Много путешествовавший,

¹ См. подробнее: Galton D. The Anglo-Russian Literary Society // The Slavonic and East European Review. 1970. № 111. P. 272–282; Давидсон А. В. О роли культурных связей в международных отношениях: Англо-русское литературное общество (1892–1930 годы) // Новая и новейшая история. 2009. № 4. С. 85–98; Аршинова И. В. Серебряный век в «Трудах Англо-русского литературного общества» // Русская литература. 2018. № 4. С. 91–96.

² Dr. John Pollen's Paper on the Russian Language and Literature // The Anglo-Russian Literary Society. Proceedings. 1893. № [1]. P. 9–10.

³ Marchant F. P. Edward Alexander Cazalet // The Slavonic Review. 1924. № 6. P. 601; см. также: Galton D. The Anglo-Russian Literary Society. P. 272.

Казалет имел в России не только деловые высокопоставленные знакомства, но и друзей, признавался, что провел здесь «лучшие годы своей жизни», и полагал, основываясь на своем опыте, что главной причиной прохладного отношения англичан к России является практически полное отсутствие актуальных знаний о ней, что не раз подчеркивал во время своего краткого вводного выступления на первом собрании Общества, обосновывая необходимость его создания.⁴

Кроме Казалета, тот или иной «русский опыт» имели многие из членов Общества, выступавших с сообщениями или присутствовавших на заседаниях в качестве дискуссантов. Несовпадение, иногда радикальное, их собственных впечатлений о России и того ее образа, который создавала английская популярная беллетристика, — тема, нечасто, но тем не менее неуклонно возникающая на страницах «Трудов». Однако предметом обстоятельного обсуждения она стала лишь однажды — на заседании, которое имело место в стенах Имперского института в Лондоне 4 июля 1899 года.

На этом заседании некая мисс Тулмин Смит выступила с сообщением о том, что «изображение русской жизни в английских романах вводит в заблуждение». Текст ее выступления был опубликован в № 25 «Трудов Англо-русского литературного общества» за май–июль 1899 года, где он занимает 16 страниц некрупным шрифтом. Еще 7 страниц занимают реплики слушателей, что, как представляется, говорит не только о важности выбранной темы для членов Общества, но и об актуальности выдвинутого тезиса.⁵ Более того, этот доклад имел успех не только у своей непосредственной аудитории — к нему как к любопытному свидетельству литературной эпохи обращались такие выдающиеся исследователи русско-английских литературных связей, как академик М. П. Алексеев⁶ и Э. Г. Кросс, поскольку, по замечанию английского исследователя, «это первое обсуждение русских тем в английской литературе».⁷ Здесь можно только добавить, что как таковое — это одна из несомненных удач Англо-русского литературного общества.

Что же стоит за довольно провокативным утверждением мисс Тулмин Смит, которое она даже посчитала необходимым вынести в заголовок? В центре внимания докладчицы — восемь текстов 1890-х годов, так или иначе затрагивающих русскую тему. Все они принадлежат некогда популярным и плодовитым английским беллетристам рубежа XIX–XX веков, имена которых, однако, уже практически ничего не говорят современному читателю: это «Кронштадт» Макса Пембертона (Pemberton, «Kronstadt», 1898), «По приказу царя» Джозефа Хаттона (Hatton, «By Order of the Czar», 1890), «Осужденный как нигилист» Джорджа Хенти (Henty, «Condemned as a Nihilist», 1893), «Белый царь» и «Сирена» Элизабет Мид-Смит (L. T. Meade, «The White Tsar» — 1896, «The Siren» — 1898), «Моя официальная жена» Ричарда Генри Севеджа (Savage, «My Official Wife», 1891), «Сын царя» Джеймса Грэма (Graham, «Son of the Tsar», 1898) и «Сеятели» Генри Сетона Мерримена (Merriman, «The Sowers», 1896). Роман Мерримена анализируется Тулмин Смит более подробно, чем остальные, вероятно, потому, что был самым успешным и широко известным из перечисленных. Более того, этот текст не лишен, по ее словам, выдающихся литературных достоинств, с чем во время дискуссии соглашались и ее слушатели. Однако, хотя Россия — одно из двух основных мест действия

⁴ [Cazalet E. A.]. [The President's opening address] // The Anglo-Russian Literary Society. Proceedings. 1893. № [1]. P. 6.

⁵ *Toulmin Smith F.* That the Representation of Russian Life in English Novels is Misleading // Ibid. 1899. № 25. May–July. P. 88–110.

⁶ *Алексеев М. П.* Роберт Браунинг и его русские отношения // Образ России: Россия и русские в восприятии Запада и Востока. СПб., 1998. С. 260.

⁷ *Cross A. G.* The Russian Theme in English Literature. Oxford, 1985. P. 44.

романа, а мысли и поступки главных героев неразрывно связаны со стремлением к ее будущему благу, Тулмин Смит находит, что в целом «в нем очень мало русского» («there is so very little that is Russian about it»)⁸ и подобная история, хотя и интересна, «могла бы разворачиваться в любой стране».⁹ Ничего специфически русского она не находит в характерах главных героев, нигилистах и участниках тайного общества князе Павло Алексисе (Pavlo Alexis) и русском немце Карле Штейнметце (Karl Steinmetz); несколько выше оценивает образ Катрины Ланович (Catrina Lanovitch). Обширен список авторских «промахов» и неточностей в описании русской действительности, который также был дополнен во время обсуждения, но далеко не исчерпан, поскольку, действительно, «ошибки в изображении местного колорита идут от начала и до конца романа: чувствуется, что автор никогда не был в России, а если и был, то очень короткое время, и не имел склонности к наблюдению».¹⁰ Можно сказать, что по итогам обсуждения романа «Сеятели» Англо-русское литературное общество отказывает Мерримену как в знании фактической стороны российской действительности, так и в понимании ее мировоззренческих основ.

Однако Тулмин Смит и Англо-русское литературное общество интересуют не столько сами по себе огрехи в изображении образа России и русских, сколько более масштабный процесс в английской литературе конца XIX века, одним из показателей которого они являются. Замечая, что вынесенное ею в заголовок утверждение относится только к английским романам последних лет, поскольку «мода вводит в английскую литературу нигилистов-заговорщиков и делать Санкт-Петербург или другой российский город местом действия некоторых глав» появилась совсем недавно,¹¹ мисс Тулмин Смит констатирует: «Эти книги широко распространены и обычно вызывают у читателей интерес, перерастающий в страх к концу книги. Заключительным главам удается оставить читателя в изумлении от необычайной власти героини над ее спутниками, от ее редкой красоты и способности озадачивать других («by her skill in mystifying others»), от ее великолепных нарядов и глубоко укорененного желания отомстить за зло, причиненное ей или ее близким. Месть служит мотивом ее действий, что обычно приводит к катастрофе, причем она превращает своего доверчивого обожателя, который завоевывает вашу симпатию, в оружие в своих руках.

В пяти романах из шести будет заговор нигилистов. Англичанин будет втянут в него — и друзья попытаются спасти его от русской тюрьмы, читатель же будет дрожать от страха, пока они это делают. Все это может помочь создать захватывающую историю, но не дает подлинной картины русской жизни, какой я ее узнала за долгие годы пребывания в этой стране («it does not give a true picture of Russian life as I have learnt to know it during a residence of many years in that country»)¹²

Таким образом, как мы видим, мисс Тулмин Смит, воспринимая это скорее как желание объяснить возникшее противоречие между своим жизненным и читательским опытом, фиксирует глубокую мифологизированность русской темы в английской беллетристике 1890-х годов, описывает несколько устойчивых элементов и логику развертывания этого мифа и сама же выступает его первым критиком. Это примечательно еще и потому, что Тулмин

⁸ *Toulmin Smith F.* That the Representation of Russian Life in English Novels is Misleading. P. 100.

⁹ *Ibid.* P. 101.

¹⁰ *Ibid.* P. 100.

¹¹ *Ibid.* P. 88.

¹² *Ibid.* P. 88–89.

Смит явно не опознает в фиксируемом ею явлении продукт становящейся мифологии, еще не оформившейся до конца, но уже приобретшей хорошо узнаваемые впоследствии черты. Именно поэтому в качестве контраргумента против описанной ею схемы «романа на русскую тему» она в первую очередь приводит собственные наблюдения и воспоминания о жизни в России. Вместо «великолепной мстительницы» из популярных романов она с симпатией говорит о русской дворянке, ее внутреннем мире, укладе жизни, привычках и семейных обязанностях;¹³ искренне недоумевает, почему ни в одном из известных ей романов нет представителей важнейших сословий русского общества, таких как священник, купец и чиновник.¹⁴ Кроме того, Тулмин Смит с сожалением отмечает в качестве некоего искажения восприятия, что английская литература, будь то публицистическая или художественная, чаще всего останавливается только на том, «что есть мрачного, печального, трагического в русской жизни».¹⁵ Можно добавить, что подобное искажение, нарушая пропорции, так сказать, «исходного материала», и формирует ту самую «вводящую в заблуждение» картину. Интересное объяснение этому явлению предлагает один из участников дискуссии, деятельный член Общества Генри Хэйвлок (Henry Havelock): «Несомненно, описания, даваемые нашими романистами, неверны («no doubt the descriptions given by our novelists were not true»), но необходимо помнить, что Россия еще до некоторой степени неизвестная страна, хотя и быстро перестает быть таковой. При описании картины необходимо иметь элемент вероятности/гадательности («an element of probability»), поэтому для того, чтобы обеспечить его, следует расположить место действия как можно дальше. Россия, будучи самой отдаленной из европейских стран, и есть такое место».¹⁶

Весьма любопытным представляется то, какой выход для русской темы из сложившейся ситуации видит Тулмин Смит. В качестве примера надлежащего описания русской жизни она приводит сцену завтрака Кити и Левина из «Анны Карениной», где героини решают, может ли Кити ехать с мужем к его умирающему брату. То есть фактически докладчица предлагает русской теме в английской литературе переориентироваться на русский реализм, упомянув при этом, прежде всего, имена И. С. Тургенева и Л. Н. Толстого. Оригинальность, масштабность и в то же время характерность этого, как кажется, очень понятного читательского запроса, на наш взгляд, трудно переоценить. Во-первых, это запрос на достоверность, на то, чтобы беллетристика могла выполнять просветительскую функцию помимо развлекательной (писательская погоня за захватывающим и сенсационным иногда даже в ущерб здравому смыслу вызывает общее недовольство всех участников дискуссии). Во-вторых, это попытка поставить необыкновенно высокую планку для английской русской темы: в своем пределе «русские главы» и русские образы должны стремиться к той аутентичности, ощущение которой английскому читателю дают переводы оригинальных русских реалистических романов. И в-третьих, подобный запрос свидетельствует о том, что интенсифицирующийся процесс мифологизирования русской темы готов к тому (и в этом даже есть необходимость), чтобы обрести новый источник, которым английская читающая публика и предлагает стать русскому роману.

¹³ Ibid. P. 89, 93–95.

¹⁴ Ibid. P. 95–97.

¹⁵ Ibid. P. 93.

¹⁶ Реплики участников дискуссии даются в «Трудах» в пересказе. См.: Ibid. P. 105.